

ЖУРНАЛЪ ТЕАТРА

1910

N°1

Памяти А. П. Чехова.

(Къ пятидесятилѣтію со дня рожденія).

Надъ судьбой Чехова тяготѣеть какой-то трагическій рокъ, строго, неотступно преслѣдующій его всю жизнь.

Первые проблески заслуженной славы вмѣстѣ съ кровохарканьемъ; прикованность къ нелюбимой Ялтѣ и въ это время неудержимое стремленіе къ Москвѣ. Его имя гремитъ. Имъ зачитываются. Ему завидуютъ. И, въ это время, когда со всѣхъ сторонъ къ нему летятъ выраженія успѣха, обожанія и преклоненія,—онъ нуждается въ средствахъ на поѣздку за границу для леченія и, безропотно, отлично сознавая, приближается къ могилѣ.

Онъ любилъ родину всей силой своего большого сердца; онъ «печалился» о ней всей силой своего огромнаго, заразительнаго таланта, — и умеръ вдали отъ нея, на чужбинѣ, почти совсѣмъ одинъ...

Чеховъ, этотъ страстно ищущій людей, жадный къ жизни, съ тонкимъ проникновеніемъ человѣкъ, былъ щемяще, томительно одинокъ...

Талантъ Чехова былъ признанъ и получилъ какъ-бы право почетнаго гражданства. Передъ личностью его преклонялись, обожали. И въ то же время, думается, никто такъ не страдалъ отъ людей, какъ Чеховъ.

Итакъ всю жизнь...

Мнѣ приходитъ на память одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Баденъ-Вейлерѣ, гдѣ умеръ Чеховъ, случай, очень ярко иллюстрирующій отношеніе къ Чехову людей даже мало его знавшихъ.

Это было въ 1907 году, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Чехова.

У входа въ Баденъ-Вейлерскій паркъ, куда любилъ ходить и Антонъ Павловичъ, стоялъ старый, хмурый на видъ, молчаливый газетчикъ. И вотъ, этого старика, мрачнаго, суроваго и неразговорчиваго, мнѣ пришлось видѣть одинъ разъ умиленнаго до слезъ, до потери возможности говорить. Старикъ расплакался отъ умиленія, когда я въ одинъ изъ своихъ прїѣздовъ изъ Россіи привезъ ему въ подарокъ снимокъ съ могилы Чехова.

Я привелъ этотъ фактъ для того, чтобы, сопоставивъ его со всѣмъ тѣмъ, что я ниже расскажу о послѣднихъ дняхъ Антона Павловича, можно было-бы ярче и легче убѣдиться въ томъ «трагическомъ» отношеніи къ нему людей, о которомъ я упомянулъ выше.

Мнѣ пришлось быть въ Баденъ-Вейлерѣ въ первый разъ вскорѣ послѣ похоронъ Чехова.

Случайно, по совету моихъ московскихъ друзей, я поселился въ Villa Friederike совершенно не подозрѣвая, что именно въ этомъ домѣ провела свои послѣдніе дни Чеховъ.

Хозяинъ виллы, узнавъ, что я изъ Россіи, проявилъ ко мнѣ особенную вѣжливость и поспѣшивъ сообщить, что у него жилъ «вашъ Чеховъ», какъ онъ назвалъ покойнаго писателя, предложилъ мнѣ, очевидно въ видѣ особой привлекательности, занять его комнату. Это было, какъ я уже сказалъ, спустя всего нѣсколько дней послѣ того, какъ мы молча расходились изъ Ново-Дѣвичьяго монастыря, оставивъ тамъ навсегда, подъ невысокой развѣсистой липой, дорогаго Чехова, когда еще острое чувство незамѣнимой потери болѣзненно жило въ каждомъ изъ насъ, и когда каждое воспоминаніе растравляло рану.

Жить въ комнатѣ Чехова я, конечно, отказался. Но попросилъ хозяина показать мнѣ комнату и рассказать подробно все, что онъ зналъ о послѣднихъ дняхъ Антона Павловича.

Комната Чехова помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома. Маленькая, свѣтлая, уютная,—она скорѣе напоминала уголокъ для отдыха, чѣмъ рабочую комнату. Двѣ рядомъ стоящія постели, зеркальный шкафъ, круглый

столикъ, мягкія, удобныя кресла и кушетка—вотъ вся обстановка. И въ этомъ выборѣ комнаты чувствовалось, что Чеховъ отлично сознавалъ всю опасность своего положенія и былъ настолько слабъ, что не могъ уже работать.

Съ балкона комнаты, выходящей въ прекрасный тѣнистый паркъ, открывался дивный видъ на Рейнскую долину и Вогезы. Здѣсь особенно любилъ гулять Антонъ Павловичъ. На этомъ мѣстѣ ему и поставленъ памятникъ.

Чеховъ пріѣхалъ въ Баденъ-Вейлеръ совершенно измученный, утомленный долгими переѣздами, и написалъ въ книгѣ для пріѣзжающихъ:

«Doctor Anton Tchekow und Frau aus Moscau».

Хозяинъ виллы не обратилъ никакого вниманія на Чехова.

— Въдѣ существуетъ-же много врачей:—разсказывалъ онъ мнѣ.

А. П., очевидно, страдалъ несвареніемъ желудка и, потому, женѣ его приходилось самой на кухнѣ слѣдить за приготовленіемъ кушаній, что очень беспокоило хозяина виллы.

Удивляло и поражало г. Риттера (хозяина виллы) то необыкновенное количество писемъ, которое получалъ Чеховъ съ каждой почтой.

Хозяинъ это настолько заинтересовало, что онъ рѣшилъ узнать подробно о своемъ странномъ жильцѣ у гофрата Шверера, лечившаго Чехова. И когда узналъ, что это «Berümtet», какъ они его называли, русский писатель, окружилъ его тѣмъ особо усерднымъ уходомъ и почетомъ, который граничитъ съ издѣвательствомъ.

Чеховъ почти нигде не ходилъ. Все больше сидѣлъ на балконѣ и только иногда его вывозили въ креслѣ въ садъ, гдѣ любилъ лежать, грѣясь на солнышкѣ.

Изъ многочисленныхъ и обстоятельныхъ разсказовъ хозяина, я приведу одинъ, какъ наиболѣе характерный и типичный для Чехова.

Однажды Чеховъ лежалъ въ креслѣ у себя на балконѣ. Замѣтивъ проходящаго мимо Риттера, онъ остановилъ его и спросилъ:

— Was machen Sie am Himmel?

Нѣмецъ, будучи невысокаго мнѣнія объ образованіи даже знаменитыхъ русскихъ писателей, и, рѣшивъ, что Чеховъ смѣшалъ слово «Himmel» съ «Winter» отвѣтилъ ему:—«Мы занимаемся охотой или спимъ». Чеховъ ничего ему не отвѣтилъ, а только улыбнулся своими печальными усталыми глазами...

Популярность Чехова въ Баденъ-Вейлерѣ создалась необычайно быстро. Газетчики, извозчики, даже дѣти,—всѣ знали Чехова. Всѣ любили его. Еще теперь, я увѣренъ, во многихъ русскихъ городахъ не найдете такъ много портретовъ Чехова, какъ тамъ. Вдовѣ покойнаго при перевозкѣ тѣла было оказано всѣмъ населеніемъ поразительное вниманіе. Нѣмцы первые поставили ему памятникъ, отпраздновавъ очень пышно и торжественно его открытіе.

Словомъ, казалось бы все говорить за то, что баденъ-вейлерцы оказали тотъ пріемъ Чехову, который онъ вполне заслужилъ. И тутъ ярче чѣмъ гдѣ-бы то ни было, откуда-то встаетъ этотъ трагическій рокъ, судьба Чехова и властно, безжалостно и беспощадно заставляеть, быть можетъ, какъ никогда его страдать.

Хозяинъ виллы, съ такимъ уваженіемъ относящійся къ Чехову узнавъ отъ доктора, что онъ безнадеженъ и рѣшивъ, что смерть его испугаетъ другихъ жильцовъ и, убоясь, такимъ образомъ, убытковъ, предложилъ Чехову «so fort»,—какъ онъ говорилъ, очистить комнату.

И умирающаго, обезсиленнаго страданіями человѣка, пришлось перевозить въ номеръ плохой гостинницы (Hotel «Sommer»), который изъ большой любезности, послѣ цѣлаго дня хлопотъ и мытарствъ, удалось достать.

И никто, никто не могъ протестовать противъ этого. И всѣ эти люди такъ равнодушно попустившіе палачество Риттера, черезъ три дня шли за гробомъ Чехова и жертвовали деньги на его памятникъ. И тотъ же самый хозяинъ, такъ безжалостно, такъ позорно поступившій съ Чеховымъ, черезъ недѣлю не больше развѣсили, по всѣмъ комнатамъ своей виллы портреты Чехова и рекламировали свой отель пребываніемъ тамъ Антона Павловича.

Итакъ всю жизнь.. И до боли сжимается сердце при одномъ сознаніи, что Чехову, такъ любившему людей, нанесенъ былъ такой оскорбительный ударъ, съ которымъ ему суждено было уйти отъ насъ навсегда...

И вспоминается опять старый хмурый газетчикъ, плакавшій при видѣ снимка съ могилы Чехова, который, однако, не пошелъ протестовать противъ поступка нѣмецкаго хозяина... Такова ужъ, видно, судьба Чехова... Онъ любилъ людей, почувствовалъ ихъ горе, тихо подошелъ къ нимъ

нѣжно, какъ любящая мать, обласкать ихъ, обнадежить... Его любили и... не щадили...

Чеховъ умеръ спокойно, почти безъ агоніи.

Проснувшись на разсвѣтѣ и почувствовавъ приближеніе смерти, онъ разбудилъ жену и, предупредилъ ее о наступающемъ концѣ, просилъ послать за врачомъ.

Спокойно, въ полусидячемъ положеніи, съ откинутой назадъ головой, лишь на минуту теряя сознание, онъ что-то говорилъ о Россіи, о матросахъ, о солдатахъ, проливавшихъ тогда кровь на далекихъ поляхъ Манчжурии.

Когда вошелъ докторъ, Чеховъ черезъ силу приподнялся, крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:—«Ich sterbe».

Это были его послѣднія слова...

Спокойно, съ улыбкой на лицѣ, точно въ пріятномъ послѣ трудового дня онъ лежалъ Чеховъ на смертномъ одрѣ.

Докторъ Швереръ, лечившій Чехова, удивлялся, зачѣмъ врачи и друзья послали Чехова въ Баденъ-Вейлеръ.—«Es war ein Unsinn»:—возмущенно добавлялъ онъ, и говорилъ, что Чеховъ пріѣхалъ сюда живымъ мертвецомъ.

Но докторъ изъ Баденъ-Вейлера наивенъ съ своимъ незнаніи Россіи. Онъ не знаетъ, что всероссійская подписка на увѣковѣченіе памяти Тургенева дала менѣе тысячи рублей. Онъ не знаетъ, что у насъ нѣтъ ни одного достойнаго памятника Тургеневу, Достоевскому, Гончарову, Григоровичу. Онъ не знаетъ Россіи.

И каждый разъ, когда я задумываюсь о судьбѣ русскаго писателя, и особенно о судьбѣ Чехова, мнѣ приходитъ на память мѣткое слово нѣмецкаго гофрата «Unsinn».

И наполняетъ оно душу мою тоскою, смѣшанной со стыдомъ, и звучитъ оно въ ухахъ и мозгу печальнымъ, погребальнымъ звономъ...

Г. Яшинскій.

